

© 2014 г.

Академик А.Б. ДАВИДСОН

## НЕЛЬСОН МАНДЕЛА: ДОБРЫЙ УРОК СОВРЕМЕННОМУ МИРУ

Никто не рождается с ненавистью  
к другому человеку из-за цвета  
кожи, происхождения или религии.  
Люди учатся ненавидеть, и если они мо-  
гут научиться ненавидеть, нужно стара-  
ться учить их любви, потому что любовь  
намного ближе человеческому сердцу.

*Нельсон Мандела*

Часто ли президенты Владимир Путин и Барак Обама сходятся во мнениях? Горбачёв и Путин тоже не всегда дают одни и те же оценки. Но вот недавно высказались поразительно единодушно.

Что же их объединило?

Отношение к Нельсону Манделе, бывшему президенту Южно-Африканской Республики, в связи с его кончиной.

Обама не только приехал в Южную Африку на его похороны в декабре прошлого года. Он и прежде, в течение многих лет, называл Манделу своим кумиром.

Горбачёв откликнулся так: “Он много сделал для человечества, и память о нем сохранится не только в его народе, но и во всем мире... Он умел ценить заслуги других народов... Будут помнить таких людей, как Мандела. Счет их идет на единицы”<sup>1</sup>.

Путин пришел в посольство Южно-Африканской Республики и в книге соболезнований оставил такую запись: “Мужественный, мудрый человек Нельсон Мандела всегда последовательно боролся за свои убеждения, но при этом оставался великим гуманистом и миротворцем. Именно такой подход востребован в мире сегодня: поиск компромиссов – это лучшая основа для согласия и сотрудничества”.

И Путин, и Обама сравнили Манделу с Махатмой Ганди.

Кто только ни превозносил этого человека! Генеральный секретарь ООН Пан Ги Мун сказал на его похоронах, что Мандела показал путь, по которому должен идти мир. И добавил: иногда добрая улыбка сильнее грубой силы.

На похороны собрались государственные деятели со всего мира. Высказывания Манделы появились в газетах и журналах разных стран, в том числе и российских: “воевать и разрушать – очень легко. Настоящие герои – те, кто устанавливает мир и начинает строить”; “сложности и невзгоды разрушают одних людей, но создают других”;

---

*Давидсон Аполлон Борисович* – академик, профессор НИУ – Высшая школа экономики, заведующий Центром африканских исследований Института всеобщей истории РАН.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ № 13-01-00305.

<sup>1</sup> РИА Новости. – <http://ria.ru/world/20131206/982374546.html#ixzz2muNBzq4S>

“сложно изменить общество, но еще сложнее изменить себя”; “я против господства белых и против господства черных”; “мы должны использовать время мудро, и помнить: правое дело можно начать в любую минуту”. Он был против “длинных речей, сотрясания воздуха и размахивания кулаками, осуждений и резких резолюций”.

Можно по-разному трактовать какие-то его высказывания, можно соглашаться или не соглашаться с ними. Но они заставляют задуматься. И многие из них – мудрые.

Манделу связывают с именами лучших людей истории и современности. Для нас, россиян, наверно, особенно близко то, что его образ связан с именем А.Д. Сахарова. Да, Мандела был лауреатом Нобелевской премии мира, но еще раньше он стал первым лауреатом премии Сахарова.

Конец 1980-х – 1990-е годы. В развитии ЮАР происходит крутой поворот, на этот же период пришелся и пик активности Манделы. Мировое сообщество следило за событиями, разворачивающимися в ЮАР, но его внимание больше занимали распад СССР и завершение “холодной войны”.

Почему же сейчас имя Манделы привлекло всеобщее внимание и вызвало столь единодушную оценку даже у тех, кто не особенно привык соглашаться друг с другом?

Во многих странах мира растут национальные противоречия, осложняются и межрасовые. Былому, казавшемуся неоспоримым, господству евроцентризма бросили вызов востокоцентризм, исламоцентризм, афроцентризм. Вышли на поверхность и стали очевидными те национальные, расовые, религиозные противоречия, которые тлели в глубинах или, во всяком случае, не приводили к бурным взрывам. Сворачиваются одна за другой вызванные этими противоречиями революции – особенно явственно это видно в мусульманском мире.

Значение опыта ЮАР стало очевидно. Государству предрекали страшную межрасовую войну, многомиллионное восстание черных против белых<sup>2</sup>, которых черные считали своими угнетателями три с половиной столетия. Но этого не произошло. Даже погромов не было. Революция состоялась – но мирная. Конечно, и после этого страна отнюдь не стала олицетворением благополучия, но ожидавшегося всеобщего обвала она избежала.

Разумеется, один человек, каков бы он ни был, не мог добиться мирного перехода власти. Но все же те события оказались теснейшим образом связаны прежде всего с именем Нельсона Манделы. И в связи с его кончиной по всему миру это особенно подчеркивалось.

Какие идеи способствовали мирному исходу событий на Юге Африки два десятилетия назад? Почему они так тесно связаны с именем Манделы? Чем они важны для человечества сейчас? В каких исторических обстоятельствах они сформировались? И как мы, в нашей стране, узнавали о них и об этом человеке?

\* \* \*

Литературы о тех событиях и о деятельности Манделы появилось уже немало, хотя меньше, чем они того заслуживают. Для меня важный источник сведений – мой личный опыт. С 1989 по 1998 г. – пик деятельности Манделы – большую часть времени я провел в Южной Африке. В 1989 г., когда Мандела еще был в тюрьме, проф. И.И. Филатова и я побывали во многих городах ЮАР. Мы стали первой делегацией из СССР. Несколько десятилетий до этого между нашими государствами не существовало никаких связей – ни дипломатических, ни общественных, ни научных. Затем я был приглашенным профессором в ряде университетов ЮАР, а в 1994–1998 гг. – директором Центра российских исследований Кейптаунского университета и членом Сената этого университета. Так что я – очевидец того, как Мандела, выйдя из тюрьмы, боролся за ликвидацию расистского режима и стал в 1994 г. президентом ЮАР.

---

<sup>2</sup> В ЮАР сохраняются термины: “белые”, “черные”, а потомков смешанных связей называют “цветными”.

Ко времени приезда в ЮАР у меня уже накопились кое-какие знания об этой стране. Я начал ее изучение со студенческих лет, с конца 1940-х. Летом 1957 г. впервые услышал живые рассказы о Манделе и связанных с ним событиях от южноафриканцев, приехавших в Москву на Всемирный фестиваль молодежи и студентов. Это были первые южноафриканцы, посетившие Москву в те годы.

В 1957 г. мы в Институте востоковедения перевели на русский язык Хартию свободы, которая является сейчас важнейшим программным политическим документом в ЮАР. Хартия была принята 26 июня 1955 г. Конгрессом народов, массовым (три тысячи человек) собранием, которое было создано Африканским национальным конгрессом (АНК), старейшей и наиболее влиятельной партией африканцев на континенте, вместе с другими организациями выступавшей против расистского режима. Хартия начинается так: «Южная Африка принадлежит всем, кто здесь живет, черным и белым»<sup>3</sup>. Среди организаторов Конгресса народов и создателей Хартии свободы был и Нельсон Мандела (член АНК с 1944 г.).

В 1956 г. власти страны начали судебный процесс – организаторов Конгресса народов обвинили в государственной измене. Нельсон Мандела оказался среди 156 обвиняемых. В ходе работы над переводом книги об этом процессе<sup>4</sup> в Москву дважды приезжал Салли Сакс, один из ее авторов. От него я тоже немало слышал о Манделе. Тогда же я начал изучать доктрину, политику и практику апартхеида<sup>5</sup>.

С 1960 г. в Москву из ЮАР стали все чаще приезжать коммунисты, а вскоре и представители АНК – у Советского Союза установились тесные связи с обеими партиями, запрещенными в ЮАР. В 1980-х страну стали посещать писатели и журналисты либерально-демократических взглядов. Так что можно было уже немало услышать и о Манделе, и о ситуации на его родине. В 1968 г. в Москве вышел перевод книги самого Манделы: его статьи, речи, выступления на суде<sup>6</sup>.

Манделу арестовывали не раз. В 1962 г. его судили за участие в создании и деятельности организации “Умконтэ ве сизве” (“Копье нации”) – военного крыла АНК. 26 апреля 1964 г. он произнес свою последнюю перед пожизненным заключением речь на суде. Он знал, что его лишат возможности выступать на долгие годы. Большая, обстоятельная речь, она заслуживает особого внимания.

Как Мандела объяснял, почему он признал тогда и возможность вооруженных действий?

21 марта 1960 г. полиция стреляла в мирные демонстрации африканцев в пригородах Кейптауна и Йоханнесбурга. После этого ООН объявила 21 марта международным днем борьбы против расизма – так он отмечается и сейчас. А в ЮАР в том году власть официально запретила АНК. Это было сделано накануне 50-летия этой партии, созданной в 1912 г. Мандела в своей речи сказал: «50 лет отказа от насилия не принесли африканскому народу ничего, кроме все более и более подавляющего нас законодательства и все меньших и меньших прав... Только после того, как все другие формы потерпели неудачу, когда все пути мирного протеста были для нас закрыты, только после этого было решено перейти к насильственным формам борьбы и образовать “Умконтэ ве сизве”. Мы пришли к этому решению не потому, что одобряем насилие, а потому, что правительство не оставило нам другого выбора».

Сказал и о том, о чем предупреждали правительство Южной Африки многие западные политики: “Мы понимали, что страна катится к гражданской войне, в которой

---

<sup>3</sup> Африка южнее Сахары. М., 1957, с. 251.

<sup>4</sup> *Формэн Л., Сакс С.* Процесс о государственной измене в Южно-Африканском Союзе. М., 1959.

<sup>5</sup> *Давидсон А.Б.* Апартхейд – система расового порабощения. – Расовая дискриминация в странах Африки. М., 1960. Это была первая в СССР научная статья о апартхейде. В советских СМИ прижилось название “апартеид”, близкое по произношению на английском языке. Но слово это – из языка африкаанс, языка африканеров (буров).

<sup>6</sup> *Мандела Н.* Нет легкого пути к свободе. Статьи, речи, выступления на суде. М., 1968.

черные и белые будут воевать друг против друга, и с тревогой думали о создавшемся положении... Мы были против гражданской войны, но если она окажется неизбежной, мы хотели быть к ней готовыми”.

Крови он не хотел. «Из четырех возможных форм насилия – саботаж, партизанская война, терроризм и революция – мы решили выбрать первую форму и использовать все ее возможности, прежде чем принимать другое решение... Такой был план. “Умконто ве сизве” должна была осуществлять саботаж, причем все ее члены с самого начала получили строгие указания ни в коем случае не допускать, чтобы при планировании или выполнении операций были раненые или убитые... “Умконто” провела свою первую операцию 16 декабря 1961 года. В этот день было совершено нападение на правительственные здания в Йоханнесбурге, Порт-Элизабете и Дурбане. Выбор объектов является доказательством характера политики, о которой я говорил. Если бы мы намеревались посягать на человеческую жизнь, мы выбирали бы такие объекты, где скапливается народ, а не пустующие здания и электрические станции. Акты саботажа, совершенные до 16 декабря 1961 г., были делом изолированных групп и не имели никакой связи с “Умконто”. Фактически некоторые из этих актов, а также ряд более поздних были предприняты другими организациями.

В сентябре, октябре и ноябре 1962 года на дома, принадлежащие лицам проправительственной ориентации были брошены бомбы. Я не знаю, чем можно оправдать эти акты или чем они были спровоцированы. Но если согласиться с тем, что я уже сказал, то станет ясно, что эти акты не имеют ничего общего с проведением политики “Умконто”»<sup>7</sup>.

11 января 1962 г., вскоре после создания “Умконто”, Мандела отправился в поездку по Африке. Вернулся он 24 июня, а 5 августа его арестовали. На суде он мог заявить о неучастии в акциях в связи со своим отсутствием в стране. Но он этого не сделал.

Еще инкриминировали Манделе нарушение “Закона о подавлении коммунизма”, принятого в 1950 г., за 10 лет до запрещения АНК, т.е. Манделу обвинили в том, что он – коммунист.

В своей речи он осудил “Закон о подавлении коммунизма”, признал, что сотрудничал с коммунистами в борьбе против расизма, но заявил: “Я никогда не был членом коммунистической партии”.

Его высказывание о марксизме: “На меня оказали влияние марксистские идеи. Но это верно также в отношении многих глав правительств новых независимых государств. Такие, крайне отличающиеся друг от друга личности, как Ганди, Неру, Нкрума и Насер, признавали этот факт. Все мы признаем необходимость какой-то формы социализма для того, чтобы наш народ мог догнать развитые страны мира и преодолеть полученную в наследство крайнюю нищету. Но это не значит, что мы марксисты”<sup>8</sup>.

6 декабря 2013 г. в обширном заявлении Южно-Африканской коммунистической партии в связи с кончиной Манделы есть такая фраза: “В августе 1962 г., когда Манделу арестовали, он был не только членом Южно-Африканской коммунистической партии, находившейся тогда в подполье, но и членом ее центрального комитета”<sup>9</sup>. Тут возникает множество вопросов. Почему это сказано лишь после его кончины? Почему он сам никогда об этом не говорил? Предположим, не хотел признаться на суде. А в следующие 50 с лишним лет?

Мандела сотрудничал с коммунистами, не видел в этом ничего зазорного. Они входили в правительство, когда он стал президентом. Но никогда не называл себя коммунистом.

В 1960–1980-х лидеры компартии были в эмиграции в Замбии, в Анголе. Часто и подолгу бывали в Москве. В Москве, на Новодевичьем кладбище, похоронены старей-

<sup>7</sup> Там же, с. 206–208, 212.

<sup>8</sup> Там же, с. 220–221.

<sup>9</sup> *Mashilo Alex.* Nelson Mandela was a member of our CC at the time of his arrest – SACP. – Politicsweb, 6.XII.2013.

шие руководители партии – Мозес Котане и Джон Маркс. Я хорошо знал их и их преемников. Все они высоко ценили Манделу, но никогда не говорили о нем как о члене их партии.

Вернусь к той его знаменитой речи. В ней он ясно говорил, что его позиция не увязывается со взглядами коммунистов: “Из чтения марксистской литературы и бесед с марксистами у меня сложилось впечатление, что коммунисты считают парламентскую систему Запада недемократичной и реакционной. Я же, напротив, поклонник такой системы...”

Я испытываю большое уважение к британским политическим институтам и к системе правосудия страны. Я рассматриваю британский парламент как наиболее демократический в мире институт, а независимость и беспристрастность системы правосудия Англии всегда вызывают мое восхищение.

Американский конгресс, доктрина разделения власти, так же как и независимость системы правосудия США, вызывают у меня такие же чувства”<sup>10</sup>.

Говорил он это в угоду властям ЮАР? Эти слова не могли им нравиться: Мандела противопоставлял апарtheid британской и американской демократии. Мнение Манделы должно было не понравиться и африканцам, даже внутри АНК – ведь многие из них винили в своих невзгодах Англию и США, считали их соучастниками расистской политики в ЮАР.

Я уверен, что два года – с 1960 г., когда АНК запретили, до августа 1962 г., когда Манделу окончательно посадили, – были для него очень сложными. Лидеры АНК и компартии оказались под арестом или в эмиграции. Не могло не быть растерянности, метаний. Как быть? В длительной поездке по десятку стран в 1962 г. Мандела встречался со многими деятелями африканских государств, слушал их противоречивые советы, знакомился с литературой, которую они читали – от Мао до Че Гевары. Как было разобраться во всем этом? А сразу по возвращении на родину – тюрьма.

В его речи на суде в 1964 г., мне кажется, отразилась его уже продуманная позиция. Все ли он говорил вполне искренне? Ведь был – как перед смертью! На помилование он надеяться не мог.

Да простит меня читатель за длинные цитаты. Но ведь это говорил человек, осознававший, скорее всего, – это последнее, что от него услышат в его жизни.

\* \* \*

Когда вполне сформировались мировоззрение и характер Манделы? Когда он стал тем человеком, которым восхищается весь мир?

Можно бесконечно спорить почти о каждом человеке, о каждом из нас: когда именно и как именно шло становление взглядов и характера, и какой период жизни особенно важен? Взгляды Манделы на протяжении жизни, конечно, менялись. И как же важен оказался для его становления тюремный период жизни! Даже своей продолжительностью. Его окончательно арестовали, когда ему было 44 года, а когда он вышел из тюрьмы, ему шел 72-й год. Так что случайно ли его признание: “Я благодарен тем 27 годам, которые провел в тюрьме, потому что это дало мне возможность сосредоточиться”<sup>11</sup>?

В статьях и книгах об этом периоде его жизни больше всего уделялось внимания условиям, в которых он находился. Долше всего его держали в тюрьме на острове Роббен, недалеко от Кейптауна. Условия были, мягко говоря, нелегкие. Первые годы заключенных заставляли дробить камни. В дальнейшем – работать в известковом карьере. В камерах – железные койки без матрасов. Надзиратели обращаются с заключенными жестоко. Свидания – только несколько раз в год и только с ближайшими родственниками. В дальнейшем постепенно, особенно к середине 1970-х годов, когда Мандела провел там уже больше 10 лет, условия смягчались. Вести с острова Роббен распространялись по стране, вызывали возмущение, и власти не могли не считаться с этим.

---

<sup>10</sup> Мандела Н. Указ. соч., с. 221.

<sup>11</sup> [esquire.ru](http://esquire.ru) // <http://info.tatcenter.ru/article/131782/>

Для политических заключенных на острове Роббен было чрезвычайно важно, что их содержали вместе. Они могли общаться друг с другом, обмениваться мнениями, обсуждать проблемы, которые их волновали – в их собственной судьбе и в положении их страны. Заключенные даже создали свой высший орган из нескольких наиболее авторитетных и уважаемых людей. Среди них, разумеется, и Мандела. Они давали советы своим сотоварищам, как вести себя в тюрьме, делились размышлениями о будущем страны.

Информацию о происходящем в государстве заключенные получали от вновь прибывающих арестантов. Газет не получали. Мандела вспоминал потом: “В тюрьме я любил работать с мусором. Иногда там попадались обрывки газет. В тюрьме нам газет не полагалось, так что я брал эти обрывки, чистил их, а вечером тихо читал в камере. Вряд ли когда-либо я так ценил прессу”<sup>12</sup>.

Но какая-то литература в тюрьме была, ее разрешали читать. И больше того, заключенным позволено было заочно учиться, и для этого получать литературу. Мандела заочно учился юриспруденции в Лондонском университете, занимался историей, особенно биографиями видных деятелей. Улучшал свой английский язык.

Заключенные, во всяком случае многие из них, стремились к самообразованию и в этом помогали друг другу: устраивались доклады, лекции. Выступали те, кого считали наиболее знающими, потом обсуждали услышанное.

Мандела старался поддержать упавших духом, искал пути, как их ободрить. Я спрашивал в Южной Африке тех, кто был с ним на острове Роббен. Одному из очень загрустивших он говорил: “Ведь мы все равно придем к власти – и тогда надо будет решать многие практические вопросы. Представь себе, что ты – министр экономического развития. Подумай, какой круг мер самый первостепенный, самый необходимый”.

Пусть тот, к кому Мандела обращался, и не уверился, что будет министром. Но эти слова помогли ему как-то отвлечься от безнадежных мыслей и задуматься над возможными перспективами: а вдруг они сбудутся?

Конечно, не обходилось без споров и в кругу тех, кого заключенные считали самыми авторитетными людьми. Падения режима апартхейда хотели все. Но что потом? Это и стало предметом разногласий. В Африке с конца 1950-х годов распространялась идея так называемого некапиталистического пути развития: после краха колониальных режимов колониальные и зависимые страны, провозгласив свою независимость, смогут идти к социализму, избежав стадии капиталистического развития. Эта идея настойчиво продвигалась Москвой. На острове Роббен коммунисты и радикально настроенная молодежь ее горячо поддерживали. Но в речах Манделы этой идеи я не встречал.

Его авторитет в ЮАР возрастал. Вести о его поведении в тюрьме широко разносили те, кого выпускали на свободу по истечении срока заключения. Начиная с 1974 г. в тюрьму несколько раз приезжали представители властей и предлагали Манделе освобождение, если он откажется от идеи вооруженной борьбы. Но он ни на какие предварительные условия не соглашался. Эта его твердая позиция способствовала росту его популярности по всей стране.

Через 20 лет после ареста, в апреле 1982 г., Манделу и еще нескольких деятелей АНК перевели с острова Роббен в Кейптаун, в тюрьму Поллсмур. Условия – неизмеримо лучше: газеты, радио, телевизор. Появилась возможность получать книги и отправлять письма. Стало намного больше информации.

К этим уступкам власть вынудили усиление напряженности в стране, бурные волнения середины 1970-х и внешнее давление со стороны ООН, международного сообщества. В 1980-х напряженность в стране нарастала еще больше. Решительнее проявляло себя либерально-демократическое движение, активней стал протест среди белого населения. В начале 1980-х сложился Объединенный демократический фронт, в который вошли организации, активно осуждавшие апартхейд. Возник и Конгресс южноафриканских профсоюзов. Начались, разумеется за пределами ЮАР, встречи представителей

---

<sup>12</sup> Там же.



этих объединений с представителями запрещенного АНК. Идеи АНК находили широкое признание.

В июле 1985 г. из-за массовых протестов правительство ввело в стране чрезвычайное положение.

Напряженность в ЮАР нарастала. А весь мир стремился к разрядке. Восьмидесятые годы завершились падением Берлинской стены и заявлением, которое 3 декабря 1989 г. сделали Горбачёв и Буш-старший – о прекращении “холодной войны”.

Казалось бы: хорошие условия и для умиротворения конфликтов в Африке. Но именно после завершения “холодной войны” резко обострилась обстановка в ряде африканских стран: вышли на поверхность давняя этническая рознь и накопившиеся политические противоречия. Развернулись гражданские войны. Самые кровопролитные – в Руанде и в Конго (тогда – Республика Заир). В Руанде в 1994 г. погибли около 800 тыс. человек. В Конго в середине и конце 1990-х, по разным подсчетам, погибло 4–5 млн человек, а 2,5 млн стали беженцами.

Почему это произошло? Есть и такая попытка объяснения. Во время “холодной войны” многие страны Африки были ее активными или пассивными участниками, получали помощь: одни – от СССР и социалистического содружества, другие – от Запада. “Холодная война” в какой-то мере определяла их внутреннюю политику. А с ее окончанием помощь извне резко сократилась, африканцы даже говорили, что внешние силы их бросили и это, якобы, привело к активизации внутренних противоречий.

Не уверен в справедливости такого объяснения. Но, так или иначе, нестабильность во многих странах Африки стала более явной. А ЮАР оказалась перед выбором: путь к примирению или к гражданской войне. Это были вынуждены осознать обе стороны конфликта. Правительство стремилось вести переговоры с Манделой. Почему с ним? Он стал символом мужества и воли к борьбе. В честь его 70-летия в июле 1988 г. в Лондоне состоялся огромный рок-концерт. Телевизионную передачу о нем смотрели 200 млн человек в 60 странах мира.

Еще в начале 1985 г. П. Бота, президент ЮАР, на заседании парламента пообещал освободить Манделу, если он осудит вооруженную борьбу. Мандела на это не согласился. Но все же счел необходимым начать переговоры с властями. К нему приходили министр юстиции Куцье, министр безопасности Нил Барнард. В июле 1989 г. Манделу принял Бота, а в декабре – сменивший его Ф. де Клерк. Де Клерк обсудил с Манделой важнейшие проблемы ЮАР.

Насколько это согласовывалось с политикой руководства АНК, находившегося в Лусаке, столице Замбии? Что-то Мандела, вероятно, делал на свой страх и риск. Но до него доходили сведения, что лидеры АНК и компартии склоняются к идее переговоров и даже шли на какие-то контакты. В апреле 1989 г. ему удалось связаться по компьютеру с О. Тамбо, президентом АНК. И хотя вряд ли были обсуждены все конкретные вопросы, но главное, принципиальное, они, очевидно, согласовали.

\* \* \*

В феврале 1990 г. Манделу освободили. Сняли запреты с АНК и компартии. У ворот тюрьмы Манделу ждала огромная толпа. Так в его жизни наступил самый важный период. Следующие годы истории ЮАР накрепко связаны с его именем. Это не значит, что он проводил единоличную политику. Он был верен своей партии – Африканскому национальному конгрессу – и согласовывал с коллегами основные действия. Но у него была особая популярность благодаря долгим тюремным годам – и поразительной харизме. Я в этом убеждался, видя его на массовых митингах. Они были его триумфом.

На его плечи легли переговоры с правительством. И хотя де Клерк, став президентом в конце 1989 г., безусловно, стремился к переговорам, он все же не мог идти на все уступки, которых добивался АНК. На де Клерка давила консервативная часть его Национальной партии.

Переговоры Манделы с де Клерком были нелегкими и непростыми, не говоря уже о том, что многие в АНК, особенно молодое поколение, сам факт переговоров сочли

предательством революции. Переговоры не раз были под угрозой срыва уже с самого начала. Де Клерк требовал ликвидации “Умконто ве сизве” и сдачи оружия. Мандела настаивал, что “Умконто” сдаст оружие только тогда, когда АНК войдет в правительство. И настоял на своем. Мандела договорился, несмотря на резкие протесты в АНК, что в переходное правительство войдут представители Национальной партии и что за белыми госслужащими, во всяком случае на переходный период, сохранятся их должности. Согласился Мандела и с закреплением принципа частной собственности, хотя в первой речи после выхода из тюрьмы выступил за национализацию горной промышленности и перераспределение земли в пользу африканцев.

Манделе приходилось урезонивать горячие головы в своей партии и вообще тех африканцев, которые считали схватку с белыми естественным выходом. Он умел убеждать в необходимости переговорного процесса, компромисса. Это было особенно трудно в июне 1992 г., когда убили 45 активистов АНК, и в апреле 1993 г., после убийства Криса Хани, лидера компартии и бывшего главнокомандующего “Умконто ве сизве”. В обоих случаях в стране возникали взрывы возмущения, усиление враждебности против белых. Манделе удавалось достичь успокоения. А белых он призывал не покидать страну.

Смог Мандела урегулировать и острые разногласия АНК с зулусской политической партией “Инката”. Лидеры “Инкаты” уговаривали зулусов не участвовать в намеченных на 1994 г. парламентских выборах – первых всеобщих выборах в истории ЮАР. Мандела обратился к зулусам: “Я приду к вам, встану перед вами на колени с просьбой: приходите на выборы”.

Ему пришлось уговаривать и тех в АНК, кто выступал против переговоров с “Инкатой”. Дошло до того, что он готов был уйти с поста президента АНК, на который его избрали в 1991 г. Но его точка зрения победила. Примирение с “Инкатой” произошло в 1994 г., когда Манделу избрали президентом ЮАР. Лидер “Инкаты” стал министром внутренних дел.

К концу 1993 г. важнейшие противоречия в переговорах АНК с правительством де Клерка были преодолены. Это вызвало признание во всем мире. Манделу и де Клерка наградили Нобелевской премией мира.

27 апреля 1994 г. в ЮАР состоялись выборы в парламент. Впервые голосовало все население, независимо от цвета кожи. АНК получил почти две трети голосов. Президентом стал Мандела, вице-президентами – де Клерк и Табо Мбеки, один из лидеров АНК. На церемонии инаугурации Мандела поднял вверх руку де Клерка и воскликнул на языке африкаанс: “Пусть прошлые обиды останутся в прошлом!”. По-русски мы бы сказали: кто старое помянет, тому глаз вон. Это был смелый шаг. Всем ли черным он понравился? Ведь именно в среде африканеров родилась когда-то идея и политика апартхеида. Но Мандела продолжал свою линию на ослабление противоречий с африканерами. Выйдя из тюрьмы, говорят, встретил судью, который присудил его к пожизненному заключению, и вместо проклятий сказал ему: “Давайте строить будущее нашей страны вместе”. Целовал белых детей, приветствовал в 1995 г. состоящую из африканеров команду на всемирном первенстве по регби. Пил чай с вдовой Хендрика Фервурда, провозгласившего политику “тотального апартхеида” (он был премьер-министром, когда Манделу бросили в тюрьму).

Став президентом, Мандела не очень вмешивался в конкретные дела министерств. Главной своей задачей считал межрасовое и межнациональное примирение. Конечно, стремился улучшить жизненные условия тем, кто был ранее дискриминирован, но вместе с тем минимизировать обиду белого населения, которому пришлось расстаться с привилегированным положением. Он призывал всех забыть прежние межрасовые и межнациональные притеснения и обиды. В этих целях была создана Комиссия правды и примирения. Она выявляла и собирала сведения о политических преступлениях, совершенных в 1960–1980-х годах. На комиссию приглашались и жертвы, и те, кто совершал преступления. Тем, кто покался и доказал, что преступления совершались именно по политическим мотивам, давали амнистию. Рассматривались не только преступления,



совершенные властными структурами и теми, кто был с ними связан, но и членами АНК.

Мандела не стремился создать авторитарное государство. На парламентских выборах 1994 г. его партия одержала полную победу, но в провинции Западный Кейп, центром которой является Кейптаун, у власти осталась Национальная партия. А в провинции Наталь – зулусская “Инката”. Мандела этому никак не препятствовал. Он не стремился и к своей авторитарной власти. Не держался за посты, на которые был избран. Сперва уступил Табо Мбеки роль президента АНК, а по истечении пятилетнего срока на посту президента ЮАР не добивался переизбрания.

Его скромность и уважение к людям проявлялись буквально во всем. Я жил в Кейптауне рядом с той улицей, по которой он ездил из своей резиденции в парламент. Но за четыре года я ни разу не видел, чтобы для него перекрывали движение.

Главное достижение ЮАР тех лет: мирная революция, мирный переход от прежнего режима к тому, который назвали Новой Южной Африкой. Переход был достигнут благодаря усилиям многих людей и ряда политических сил. И все же в историю он вошел прежде всего с именем Нельсона Манделы.

\* \* \*

Нельзя не сказать об отношении Манделы к нашей стране. Он публично высказался об этом вскоре после того, как стал президентом страны – на торжественном открытии 17 августа 1994 г. Центра российских исследований Кейптаунского университета. В отношениях с Россией он назвал главным то же, что считал важнейшим во взаимоотношениях народов внутри своей страны: “искоренение предрассудков и развенчание мифов”. И поскольку «обе страны намерены сблизиться друг с другом в новом мире, то Центру российских исследований следует сделать еще один шаг вперед – ему нужно навести “мосты”... Вот почему надо поздравить Кейптаунский университет, который принял решение не просто создать центр, а центр, занимающийся “возведением мостов”».

Мандела напомнил о давних исторических связях Южной Африки с Россией. Даже о том, как еще в XVIII в. на мысе Доброй Надежды побывали российские ссыльные, поднявшие восстание на Камчатке и добравшиеся в Европу. Вспомнил, как русские корабли останавливались там, начиная с 1808 г. Как народ ко́са, к которому принадлежит и род Манделы, поднял восстание против англичан в 1850-х годах. С вестями о Крымской войне среди ко́са тогда пошел слух, что “русские с далекого севера” помогут им в борьбе против общего врага – англичан. Вспомнил и о том, что в 1927 г. Джосая Гумеде, тогдашний президент АНК, приезжал в Москву.

И отдал дань российским ученым: “Мы обязаны признать, что профессор Аполлон Давидсон и его коллеги обладают прекрасными знаниями для того, чтобы определить реальную значимость и характер связей между двумя странами”<sup>13</sup>.

Приехав в Москву, уже в конце своего президентского срока, Мандела на встрече с Ельциным подчеркивал важность отношений с нашей страной. Он пришел и на Новодевичье кладбище. Я показал ему могилы трех южноафриканцев.

Узнав о кончине Н. Манделы, М.С. Горбачёв вспоминал: «Он говорил мне: “Если бы не ваша перестройка, наверное, мы бы еще тянули я не знаю как”. Он умел ценить заслуги других народов»<sup>14</sup>.

\* \* \*

Эту статью я начал с тех восхищенных отзывов о Манделе, которые ярче всего зазвучали в связи с его кончиной. Но в потоке суждений о нем есть и критические.

На страницах некоторых журналов, издающихся в ряде стран Африки, его упрекают за то, что уж больно далеко он зашел в уступках белому населению.

---

<sup>13</sup> *Mandela N. Speech by President Nelson Mandela at the opening of the Centre for Russian Studies at the University of Cape Town. – Russia in the Contemporary World. Proceedings of the First Symposium in South Africa at the Centre for Russian Studies, University of Cape Town. 17–19 August 1994. Cape Town, 1995, p. 5–6.*

<sup>14</sup> <http://ria.ru/world/20131206/982374546.html>

Разноречивые суждения высказываются не только в Африке, но и за ее пределами. И даже в дни траура по кончине Манделы. В лондонской “Дейли телеграф” сразу же, 7 декабря 2013 г., вышла большая статья<sup>15</sup>. “Правда о Манделе омрачена десятилетиями мифотворчества, созданного больше всего белыми либералами, рисующими его как доброго черного, умеренных взглядов”. Мнение автора: “Такой Мандела, конечно, существовал, но было и несколько других Мандел, какие-то из них совершенно засекреченные, другие – непонятные”.

В статье все же признается, что “эйфория радужной нации”<sup>16</sup> середины 1990-х была главным образом его созданием, и ему надо отдать должное за то, что АНК принял (в 1996 г.) центристскую экономическую политику, которая привела к беспрецедентному экономическому росту и обеспечила финансовую поддержку беднейшей трети южноафриканского населения”.

Упрекали его за то, что он произносил “революционные” речи, состоял, во всяком случае в начале 1960-х годов, в компартии, а став президентом страны, недостаточно боролся с коррупцией.

Но как он мог не произносить “революционных” речей? Ведь это соответствовало политике его партии, поставленной вне закона. А если состоял в компартии, то ведь АНК и компартия с начала 1960-х выступали в союзе. Не боролся с коррупцией? Но коррупция по-настоящему развернулась, когда Мандела уже ушел с поста президента.

Каковы бы ни были упреки Манделе, автор признал главное: если бы Мандела, выйдя из тюрьмы, призвал африканцев к выступлению против белых, “Южная Африка была бы разрушена расовой войной”. И главным оружием Манделы были не пушки, а “любовь, и способность пробудить любовь в других, даже в нас. Мы счастливы, что у нас такой благородный и достойный противник”. Так считает Риан Малан, автор статьи, африканер, известный писатель, противник Африканского национального конгресса.

\* \* \*

На страницах нашей российской печати тоже появилась резкая критика политики, связанной с именем Манделы. Вот большая статья “Миф о Манделе. ЮАР как урок для России”<sup>17</sup>. Какой же урок для нашей страны видит автор, А. Самсонов? Вот несколько его соображений.

“Путин, вознося хвалу Манделе, как до этого в России хвалили разрушителей – Горбачева, Ельцина, Сахарова и Солженицына, – в очередной раз принес присягу на верность господствующему на планете несправедливому порядку. Это очень опасная ошибка. Пора прекратить поклонение ложным кумирам. В истории России и человечества достаточно личностей, вызывающих уважение. Мандела явно не из их числа”.

В чем же вина Манделы? «Темнокожий президент фактически разрушил экономически успешное государство. Южно-Африканская Республика раньше была практически единственным успешным государством на Черном континенте... В свое время ЮАР была экономическим локомотивом Африки, а Йоханнесбург называли “африканским Нью-Йорком”. Республика процветала... В целом жаловаться на судьбу неграм не стоило».

Какой урок можно извлечь из деятельности Манделы? «Права и свободы черного населения, которых добивался Мандела, привели не к прогрессу, а к деградации ЮАР. Государство повторило опыт других “черных” государств... Африканские народы доказали, что они еще не достигли такого уровня, чтобы эффективно и разумно управлять своими территориями».

Урок – не только для Африки. «Технологии поддержки “борьбы за права” в последние годы мы видели в самых различных странах. Последний пример – Украина. В итоге,

---

<sup>15</sup> *Malan R.* Nelson Mandela: He was never simply the benign old man. – Daily Telegraph, 7.XII.2013.

<sup>16</sup> Идею добрососедского существования черных, белых и цветных в ЮАР называли “радужная нация”.

<sup>17</sup> Военное обозрение, 13.XII.2013.

когда побеждают “демократия” и “права человека”, население получает право свободно вымирать и выбирать специфику своего рабства, а все реальные богатства страны остаются у компрадорской буржуазии и транснациональных корпораций и банков. Схожую картину мы видим и в ЮАР. Население получило иллюзию свободы и “права человека”, а хозяева западного мира через ТНК и ТНБ получили реальную власть над природными ресурсами и финансовыми потоками».

И главное, «ЮАР – это своего рода предупреждение современной России. Русские взяли на себя миссию цивилизаторов, присоединив к себе Кавказ и Среднюю Азию. Огромные просторы Сибири и Дальнего Востока можно не брать в расчет, так как они имели крайне незначительное население. Российская империя и СССР успешно цивилизовали эти регионы, поднимали их культуру, народное хозяйство. Однако развал СССР отбросил Кавказ и Среднюю Азию в прошлое. Они еще не успели перейти на иной, более высокий уровень цивилизации и вернулись к обычным, привычным для себя нормам бытия. Это привело к появлению миллионов “новых варваров”... Отгородиться от “варварства” невозможно. Сценариев два: 1) либо сдаваться, как это сделали белые жители ЮАР, причем вариант “стены”, заборов, виз и т.д. – это тоже сдача, но растянутая по времени. Рано или поздно волна архаизации с юга сомнет все обломки более высокой цивилизации; 2) возобновить цивилизаторскую миссию. Россия должна вернуться на Кавказ и Среднюю Азию как “глава дома”».

Оставляю эти высказывания на суждение читателю.

А приведенные в этой статье сопоставления с нашей страной? Я не раз слышал от наших соотечественников, переселившихся в ЮАР, весьма горькие слова. Говорили, что почти все, кто вставал во главе нашей страны, стремились к авторитарной власти – в отличие от Манделы. И что в годы исторических переломов в истории России XX в. противоборствующие стороны шли не к компромиссу, как Мандела и де Клерк, а лишь к жесткому противостоянию. Что после большевистского переворота это привело к Гражданской войне. А в результате событий 1993 г. – к расстрелу Белого дома.

Можно соглашаться или не соглашаться с этими мнениями, но знать их надо.

Упомяну только еще одну статью, “Из первого мира в третий”: “К началу 1990-х ЮАР была страной первого мира – для белых... Под управлением Манделы и его преемников ЮАР превратилась в страну третьего мира – для всех”. Дальше – о безработице, коррупции, преступности, об эмиграции белых: “ЮАР как была расистской страной, так и осталась, только расизм этот стал черным”. И “у меня простой вопрос: что происходит в современном мире, если человека, при котором страна превратилась в ЭТО, называют великим государственным деятелем?”. Общий вывод: “Увы, история черной Африки после деколонизации – это история деградации континента”<sup>18</sup>.

Не хочу полемизировать с автором, яркой, талантливой журналисткой Ю. Латыниной, с этим ее откликом на кончину Манделы. Напомню лишь, что после революций и слома пусть неудачной, но все же устоявшейся, организованной системы всегда бывал спад. Колониализм, как бы мы к нему ни относились, создал свою систему социальной и экономической организации общества. Она рухнула (была исторически обречена) и для создания чего-то нового нужны поколения.

Я совсем не идеализирую обстановку в ЮАР и нынешних ее правителей. Но если и уехали сотни тысяч белых, все-таки четыре миллиона остались, живут там. А безработица? Она и прежде была высокой. Сейчас возросла. Почему? В ЮАР ринулись миллионы африканцев не только из соседних стран, но даже из далекого Сомали. Значит, ЮАР их привлекает.

А местные африканцы? Да, они бастуют, требуют лучшей жизни. Но все же последние 20 лет на месте многих трущоб построены современные жилые кварталы, с электричеством, горячей водой.

---

<sup>18</sup> Латынина Ю. Из первого мира в третий. – Ежедневный журнал, 11.XII.2013, <http://www.ej.ru/?a-note&id-23934#>

Мог Мандела за пять лет своего правления сделать страну процветающей? Ответит ли он за все, что произошло после его ухода? И чисто по-человечески: можно ли высокомерно судить о человеке, который сидел в тюрьмах 27 лет? Уже этого достаточно, чтобы проникнуться к нему сочувствием. К тому же – он не сломался, мужественно боролся за свои добрые идеи.

Те, кто яростно критикует Манделу, ищут изъяны в его деятельности, они не задумываются над теми сложностями в жизни ЮАР, с которыми ему пришлось столкнуться, тем наследием страны и ее народов, которое надо было переосмысливать. Не сопоставляют Манделу с государственными деятелями, которые оказались у власти после таких же крутых перемен в их странах. В Африке, да и не только в Африке. Как эти политики шли на создание авторитарных режимов и поддавались соблазну стать авторитарными властителями.

Мандела, при его огромной популярности, этого не сделал. Как глава Африканского национального конгресса он не навязывал партии своего мнения. Наоборот, нередко уступал аргументам других, если видел, что они обладают в партии значительной поддержкой. Как президент он не навязывал своего мнения правительству. И сам, по своей воле, сложил с себя руководство партией, а затем ушел и с поста президента, считая, что надо уступать место молодым.

Конечно, можно критиковать его и за это. Можно считать, что, останься он у власти, не уступил ее другим (которым он не очень симпатизировал), не произошло бы отхода от его государственной линии. Да, можно подойти и так. Действительно, что-то из установленного Манделой, оказалось утраченным. Но если бы он держался за свою власть, он бы не был Нельсоном Манделой. Был бы таким же авторитарным властителем, каких мы немало видим в современном мире.

И разве все его наследие утеряно? В ЮАР сохраняется многопартийность – подлинная, а не показушная. Провинцией, центром которой является Кейптаун и где заседает парламент страны, сейчас управляет не Африканский национальный конгресс, а оппозиционный ему Демократический альянс. Он был создан прежде всего белыми, но в его руководстве теперь все больше черных, не говоря уже о цветных.

Сами белые нередко говорят, что отношение к ним теперь не столь же благоприятное, как это было при Манделе. Но 4 млн белых в ЮАР остаются. Из Алжира, где не удалось избежать кровавой войны, пришлось уехать всем белым, а ведь их там было больше 1 млн.

\* \* \*

Вряд ли Мандела сколько-то глубоко познакомился с наследием лучших русских мыслителей. Но, оглядывая его жизнь, кажется, будто он их знал. Хотя бы завет Герцена: “Прощение врагов прекрасный подвиг, но есть подвиг еще более прекрасный, еще более человеческий – это понимание врагов, потому что понимание – разом прощение, оправдание, примирение”. Или завет Чаадаева, тоже вошедший в сборники русских афоризмов: “Прекрасная вещь – любовь к отечеству, но более прекрасное – это любовь к истине. Любовь к отечеству рождает героев, любовь к истине создает мудрецов. Любовь к родине разделяет народы, а любовь к истине распространяет свет знаний”.

Жизнь таких людей, как Мандела, еще раз убеждает нас, что у соседа, у соседнего народа, у чужой страны надо в первую очередь обращать внимание не на то, что нас разделяет. Не на обиды, которые можно им припомнить. Не на те их черты, которые позволяют нам подчеркнуть свое превосходство, свой приоритет, свое величие. Не повторять все время, чем гордишься перед другими.

А обращать побольше внимания на тот опыт, которому неплохо бы поучиться и нам, на их успехи, достижением которых нам полезно бы заняться. На хорошее и доброе в их жизни. И в своем прошлом видеть не только доброе и хорошее, а и то, что надо помнить, чтобы оно не повторилось.

Человечество привыкло прославлять генералов, завоевателей, победителей в войнах (а нередко и зачинателей войн). Именно им ставят монументы. Памяти тех, кто, как

Нельсон Мандела, призывал к умиротворению, к взаимопониманию народов, их опыту уделяется внимания неизмеримо меньше. Мандела считает, что “настоящие герои – те, кто устанавливает мир и начинает строить”.

Не пора ли поглубже задуматься над этим. Менять отношение к опыту прошлого, чтобы и в настоящем главную роль играли мирные средства, взаимопонимание?

И самое, самое главное: искать не то, что разделяет, а то, что сближает. Банальная идея? Но, увы, в практической деятельности многих-многих государств она пока не находит применения.